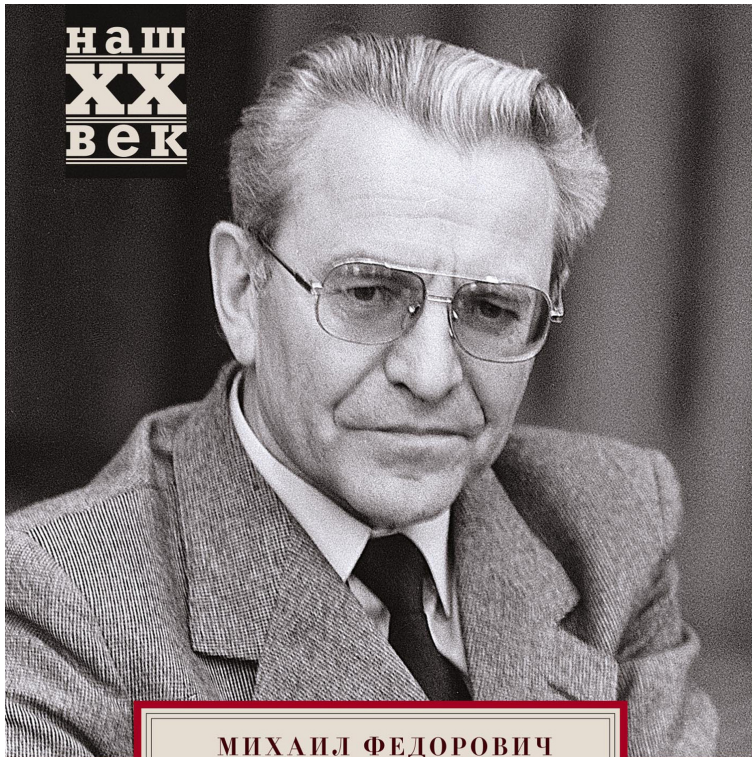

наш
XX
век

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

НЕНАШЧЕВ

ЗАЛОЖНИК ВРЕМЕНИ

ЗАМЕТКИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА

Михаил Федорович Ненашев
Заложник времени. Заметки.
Размышления. Свидетельства
Серия «Наш XX век»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42768042

Заложник времени. Заметки. Размышления. Свидетельства:
ISBN 978-5-227-07903-9

Аннотация

Автор книги долгое время возглавлял газету «Советская Россия», Государственный комитет СССР по печати, Гостелерадио СССР. Заметки и размышления автора в связи с общением, встречами с М. С. Горбачевым, Б. Н. Ельциным, Н. И. Рыжковым, Е. К. Лигачевым, А. Н. Яковлевым и многими другими государственными и общественными деятелями СССР и новой России помогают лучше понять, что происходило с нашей страной в конце XX века. Для широкого круга читателей.

Содержание

Михаил Федорович Ненашев	4
Вместо предисловия: признание читателю	5
Глава I	22
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Федорович Ненашев
Заложник времени
Заметки. Размышления.
Свидетельства

наш XX век

Серия «Наш XX век» выпускается с 2013 г.

© М. Ф. Ненашев, 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Вместо предисловия: признание читателю

Для чего я обращаюсь к прошлому и чем оно может быть интересно читателю? Отвечу: прошлое нам необходимо для того, чтобы понять настоящее и предположить будущее.

Задумывались: отчего наше время обильно изданиями мемуарной литературы? Оттого что исповеди, покаяния, признания – черты времени. Они от перелома в жизни, от невзгод и страданий, которыми переполнено наше общество, от смятения и страха людей перед неизвестным, от незнания, как жить, от боязни, что будет с ними завтра. Потому и нужно возвращаться к недавнему прошлому, чтобы искать в нем ответы на самые острые вопросы сегодняшнего бытия, как путнику, который заблудился и обязан вспомнить, как он очутился здесь и какие дороги привели его в этот тупик.

Предлагаемая читателю книга рассказывает о крутом переломе и нравственном смятении в жизни людей, населяющих одну шестую часть планеты Земля, именовавшуюся до недавнего времени Советской страной. Она представляет исповедь и размышления лишь одного из многих, ставших волею истории в своей великой стране заложниками жестокого времени. Время многолико и многомерно, и нам не дано обозреть и оценить всего, что бы мы хотели понять в нем и в

себе! Однако известно, чтобы познать, из чего состоит океан, достаточно одной его капли. Так и в безграничном океане времени можно понять его черты по свидетельствам всего одного современника.

Только на склоне лет начинаешь понимать, что жизнь – это осознание себя в огромном и суровом мире бытия, и постигаешь этот мир лишь в той мере, в какой познаешь себя. Одна из самых известных библейских заповедей гласит: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Повторяя ее много раз, мы слышим лишь первую ее часть. А между тем вторая часть заповеди: «как самого себя» – таит в себе глубокий смысл. Суть его в том, что ты сам себе судья и сохрани уважение к себе, не теряй свое человеческое достоинство, ибо оно главное мерило твоего отношения к людям. Не деньги, имущество, а лишь собственное достоинство представляет истинную собственность человека.

Л. Н. Толстой в своей книге «Мысли мудрых людей на каждый день» на 12 октября записал: «Спросили мудреца, какое время в жизни самое важное. И мудрец ответил: „Время самое важное одно – настоящее, потому что в нем одном человек властен над собой“». В своем признании читателю я обращаюсь от дня сегодняшнего, трудного в судьбе нашего Отечества, и его глазами перечитываю заново прошлое.

Признание обязывает не обходить даже самые грустные темы, в которых еще не отболело недавнее прошлое, с его утратами и потерями, неоправдавшимися надеждами и на-

мерениями. Среди многих вопросов, которые задавали, выберу лишь два. Первый из них: «Согласны ли вы с тем, что ваше поколение уходит с общественной арены потерпевшим поражение?» И второй: «Вы относитесь к тем, кто начинал перемены в стране, не обидно ли вам теперь оказаться не у дел и не страдает ли от этого ваше самолюбие?» Я называю эти два вопроса одновременно, ибо они взаимосвязаны. Ответить на них можно коротко: мы (наше поколение) сделали что могли, пусть другие, идущие вслед за нами, сделают больше и пойдут дальше. Это верно по существу, но в чем-то похоже на отговорку. Поэтому отвечу подробнее.

Не скрою, конечно, хорошо бы нашему поколению уходить с арены общественной деятельности в иных условиях и с другими результатами. Однако вначале замечу: разве наше поколение уже ушло и его общественное участие закончилось? И еще, а кто может сказать сегодня, что перемены закончились и можно уже славить победителей и оплакивать побежденных?

Не стану говорить за всех и не буду кривить душой – скажу, что те, кто начинал перестройку, кто поверил в нее и убежден был, что удастся вернуть людям утраченную надежду, сегодня чувствуют свою огромную вину и ответственность за то, что не хватило сил, мудрости привести задуманное к успеху. И главное, конечно, не в сострадании и переживаниях моего поколения по поводу того, что оно оказалось не у дел, ибо они ничто в сравнении с теми испытаниями и

несчастьями, лишениями и трагедиями, в которые оказался свергнут народ по воле инициаторов перестройки. Здесь источник горечи и страдания каждого из нас, кто не утратил боли за свое Отечество.

Не могу принять утверждение и о поражении шестидесятников, идеалистов. Очевидно, не все со мной согласятся, однако считаю: тем, кто начал, судьбой было предопределено в задуманном не увидеть результата, не увидеть победы. Глубина, масштабность перемен (теперь это очевидно всем) настолько оказались велики, что должна смениться не одна команда реформаторов. Думаю, и тем, кто сегодня у власти, тоже не суждено праздновать бал победителей и увидеть обновленную Россию.

Горечь несбывшихся намерений, обида на успех соперников – удел слабых людей, ибо нет ничего более неразумного и бессмысленного, чем сожаление о прошлом. Я принадлежу к тем, кто не жалеет и не оплакивает своего прошлого, ибо дело это безрассудное и бесполезное. Какой смысл переживать по поводу того, что нельзя изменить и нельзя повторить?

Обычно интерес журналистов вызывал и вызывает вопрос о том, не обидно ли после продолжительной активной политической жизни оказаться на обочине и не у дел. Об обочине и где она располагается в жизни человека можно поразмышлять отдельно, а вот что касается того, что люди, обладающие немалым опытом, в том числе и особо ценным опытом неудач, поражений, оказываются не у дел, то здесь и вовсе

обижаться не резон. Ибо всем хорошо известна антилогика всей нашей общественной и государственной жизни со времени 1917 года, в которой и до сих пор мало что изменилось. На каждом этапе тех или других перемен на верхнем этаже власти менялся караул: уходили одни, их заменяли другие, методы же замены и отношения между ними никогда не подчинялись здравому смыслу и никогда не были ни гуманными, ни нравственными. Чего жалеть, если еще свежи в памяти те времена, когда отношение к ушедшим было куда более суровым и трагичным.

К тому же, признаюсь читателю, немало помогает та закалка, которую прошли мы, члены исполнительной власти, в 1990 и 1991 годах, на этапе так называемого демократического ликбеза – ликвидации демократической безграмотности, когда набирал опыт и законодательно утверждался новый Верховный Совет СССР. Все из состава министров последнего правительства СССР и странного кабинета министров при Президенте СССР прошли суровые испытания на прочность. По 2–3 месяца в первом составе и до 7 месяцев во втором шло утверждение, на котором упражнялась первая демократическая законодательная власть СССР. Эти отношения в условиях, когда рушился Союз и разваливалось народное хозяйство, не были ни цивилизованными, ни целесообразными по отношению к тем, кто составлял исполнительную власть. О каких обидах можно теперь говорить – это была суровая школа жизни, она закалила и многому научи-

ла тех, кто ее проходил. Поистине прав был великий мудрец Ф. М. Достоевский, заметивший: «Страдание-то и есть жизнь. И что бы она стоила без страданий». Мы действительно проходили в это время огонь, воду, но без медных труб: чего не было, того не было. Может быть, оттого и легче было уходить в отставку и покидать общественно-политическую арену, что из всех чувств, которые владели тогда уходящими, самым сильным было чувство облегчения.

Оспорю и тезис «не у дел», ибо считаю его особенно неубедительным. Только сегодня я могу сказать, что занят тем делом, к которому стремился всю жизнь, – пишу свою книгу, помогаю другим издавать нужные людям книги. Я получил наконец возможность подумать над тем, как прожил жизнь, разобраться в себе и своем времени. Конечно, я осознаю, что человек никогда не сможет полностью понять себя и свое время, ибо для этого просто мало одной короткой жизни, но стремление к этому делает жизнь интересной, осмысленной.

Среди известных испытаний, которые суждено бывает человеку пройти в жизни: испытание властью, славой, богатством, мы часто забываем еще одно – быть может, самое серьезное – испытание на неудачи, поражения. Сурово это испытание, ибо сопровождается крушением намерений и надежд, взглядов и представлений. Крутые перемены привычного образа жизни всегда сопровождаются неизбежными переживаниями. Страдает самолюбие, болезненно отзываясь

ся достоинство, обычно преувеличенное. Однако среди всех потрясений, вызывающих болезненные чувства и настроения, пожалуй, самыми горькими бывают те открытия, которые приходится делать в отношении к тебе со стороны тех, кто еще вчера был твоим соратником, единомышленником.

Здесь открывается много неожиданного, поучительного. Те, кого ты выбрал сам и выдвинул, сделав многое для их профессионального роста, нередко быстрее других стараются, одни сразу, иные лишь сохранив минимальные нормы приличия, занять по отношению к тебе определенную дистанцию, направив свои усилия на поиски других ориентиров и опекунов. Другие, которых ты не оценил и не слишком поддержал, как они того заслуживали, наоборот, оказываются ближе и внимательнее к тебе, и в их отношениях ты находишь участие и поддержку. Признаюсь, нет ничего более интересного, чем наблюдения за эволюцией в характерах, отношениях к тебе людей, после того как ты перестал быть для них лидером и исчезла зависимость от тебя.

Еще более любопытна переоценка своих собственных взглядов на то, что тебя окружало, заботило, наполняло до предела твою повседневную жизнь, делало тебя полностью зависимым от них. Происходят неожиданные открытия самого себя, забытых или вовсе не известных собственных качеств. Наедине с собой негоже казаться лучше, чем ты есть, и, не боясь осуждения, признаться читателю в том, чего не ожидал обнаружить в себе.

Всем известна расхожая истина: чем выше поднимаешься по должностной лестнице, тем круче, болезненнее твое падение вниз. Это верно, однако не во всем. Конечно, не безболезненны утраты того, что мы называем привилегиями людей, относящихся к правящей элите: персональная машина, загородная служебная дача, министерский кабинет, оснащенный всеми средствами связи... Против ожидания эти привилегии оказываются не столь значимыми в повседневной жизни. Да и плата за них – зависимость, особенно возросшая в последние годы, социальная уязвимость как представителя бюрократии, показанная лишь в образе врага, неимоверная физическая и нервная нагрузка – была слишком велика.

Не в оправдание, а ради справедливости замечу: привилегии исполнительной союзной власти как один из важных аргументов в политической борьбе при внимательном рассмотрении оказались в глазах общественного мнения явно преувеличенными. Зарботная плата председателя Государственного комитета СССР составляла 700 рублей и только в 1990 году была увеличена до 900 рублей. Увеличение же министрам заработной платы, о чем много в свое время говорилось, в результате инфляции до 1700 рублей было сделано лишь в середине 1991 года, но многие из только числившихся в министрах СССР, но не утвержденных Верховным Советом смогли воспользоваться этой оплатой лишь в последние 2–3 месяца существования так называемого каби-

нета министров.

Служебные дачи в последние годы оплачивались персонально каждым живущим. Не выдержали испытания временем и заметно поблекли министерские привилегии последнего правительства СССР, когда в последний год пребывания в дачном поселке возникло любопытное сосуществование на одной территории проживающих министров с руководителями крупных кооперативов, акционерных обществ, совместных предприятий. Возникло оно в интересах финансовой поддержки обедневшего Совмина СССР, когда Управление делами стало сдавать дачи в аренду коммерческим структурам. В течение непродолжительного времени дачи новых хозяев оказались окруженными плотными рядами «вольво», «мерседесов», «тойот», а министерские заказы в столовой дачного поселка в выходные дни, в сравнении с заказами новых хозяев дач, напоминали больше обеды для неимущих в домах общественного призрения. Все это, разумеется, только частности, детали, свидетельства того, что привилегии, имеющие все основания для их осуждения при бедности главных тружеников страны, служили определенным целям в острой борьбе за власть. И о них сразу же забыли, как только цель была достигнута. К тому же стало очевидным, что «демократы», пришедшие к власти, имеют куда большую склонность к привилегиям, чем свергнутые ими консерваторы.

Привилегии привилегиям рознь. Китайская мудрость гла-

сит: «Мудрый человек требует всего только от себя, ничтожный же человек требует всего от других». В личном восприятии привилегии, которыми ты пользовался не один год, очень скоро становятся малостоящими в сравнении с тем, что приобретаешь, оказавшись не в обойме власти. И когда внимательно и неторопливо начинаешь оценивать свои приобретения, то они оказываются не столь уж малыми.

Прежде всего ты перестаешь кому-либо служить и от кого-либо зависеть, как прежде, занимая высокую должность. Конечно, все в мире относительно, относительна и твоя независимость, но чувство освобождения от чиновничьей, гнетущей системы подчинения и послушания становится преобладающим в настроении, и оно многого стоит. К тому же поездки в метро вместо персонального автомобиля и воскресные прогулки по набережной Москвы-реки, как у всех обычных людей, вместо служебной загородной дачи хотя и приносят неудобства, но не подавляют достоинства, а даже укрепляют его, ибо ты становишься равным другим, живущим рядом с тобой, а значит, и полноправным, свободным гражданином, и совесть твоя оказывается ничем не угнетена. «Довольство и бедность, – замечает философ прошлого Монтень, – зависят от представления, которое мы имеем о них: сходным образом и богатство, равно как и слава, и здоровье прекрасны и привлекательны лишь настолько, насколько таковыми находят их те, кто пользуется ими».

Свобода, которую ты обретаешь, тоже относительна, ибо

полная свобода – всего лишь иллюзия. Но свобода как внутреннее твоё состояние становится несомненной, и ты её ощущаешь при всей твоей зависимости от несчастий и тягот современной жизни, от унижения Отечества, дороже которого у тебя ничего нет. Свободен, ибо теперь выбираешь дело, которое тебе по душе, и служишь только ему. Достижимым наконец становится и то, к чему ты стремился всю жизнь, – делать только то, что интересно тебе и полезно другим. Свободен и в том смысле, что обретаешь самую большую привилегию – быть самим собой, – которую ты отстаивал всю жизнь ценой тяжёлых потерь, вынужденный поступаться своими взглядами, позицией, а эти утраты наиболее болезненны по своим последствиям.

Только теперь ты получаешь возможность начать исполнять своё главное назначение: думать, размышлять над тем, что происходит в жизни. Принято считать, что все наши пороки от лени, а все блага жизни от действий. Это верно. Но что бы стоили наши действия, если бы они не были освещены разумом. Только теперь, освободившись от служебной суеты и зависимости, начинаешь понимать, что многие переживания по частностям и пустякам, часто связанные лишь с тем, что о тебе подумает вышестоящий Тит Титыч, ровным счётом ничего не стоят. Они не стоят той мысли, которую ты выстрадал, не стоят того нового, неизведанного, что ты открыл для себя в окружающем мире.

Из того, что помогает жить, сохраняя нравственное рав-

новесие в это трудное для всех время, я на первое место ставлю возможность жить в ладу с собственной совестью, согласно своим взглядам и принципам. Понимаю, в столь смутные времена нам не до идеалов и принципов – старые порушили, новые не определили. Однако я отношу себя к тем счастливым людям, которые давно избрали свой идеал и следуют ему всю жизнь. Мой идеал – верблюд, тот самый большой, сильный, полный достоинства верблюд, который несет свою ношу, как бы ни трудна была дорога. И сколько бы ему ни мешали: ни сбивали с пути, ни облаивали в длинной дороге шавки, он обязательно принесет свой груз в назначенное место. Мой идеал учит меня: делай свое дело и иди своей дорогой, как бы тебе ни мешали и что бы о тебе ни говорили. Жизненная дорога редко бывает прямой, на ней немало соблазнов поступиться своими принципами, последовать за теми, кто вопреки логике жизни оказался впереди. И как ни бывает тяжело, я говорю себе: не суетись, не сучи ногами, не забывай старую восточную мудрость: «Случается, и хромой верблюд оказывается впереди, но только тогда, когда караван вдруг поворачивает назад». Иди своей дорогой и не поворачивай назад. Если бы было можно, как в старину, определять свой семейный герб, я бы, не колеблясь, выбрал щит с изображением верблюда.

Признаюсь читателю: не согласен с теми, кто обычно говорит, что человеку очень много нужно, чтобы жить интересной, насыщенной жизнью. Никогда не разделял это утвер-

ждение и ныне еще больше убежден в этом. В зрелом возрасте и здоровом уме человеку нужно немного. И больше всего ему необходимо сохранить свою человеческую суть. А помогают сохранить ее и защищают, чтобы не одолела тоска и не возобладало настроение обреченности оттого, что так коротка дорога бытия, кроме дела, три самых важных и необходимых спутника: природа, книги, музыка.

Всякий раз, когда горести захлестывают до краев, а сомнения подступают совсем близко к сердцу и кажется, что жизнь становится невыносимой, я иду в лес и слышу: не надо предаваться отчаянию, все бrenно и суетно на этой земле и лишь природа мудра и вечна. И что значат твои невзгоды перед этим могучим созданием природы, которая и после тебя будет поражать людей своим постоянством и своей вековечностью. Для меня мир природы – это мир души. Только здесь, наедине с мудрой и вечной природой, я обретаю душевное равновесие и уверенность.

Книги – самое большое чудо, созданное разумом человека. Они самый важный материальный след, который мы оставляем после себя. В них связь времен и связь поколений. И то, что эта связь жива, реальна, вечна, – неисчерпаемый источник оптимизма для живущих.

Для меня, как и для многих людей, самое великое проявление человеческого интеллекта – способность воспринимать музыку. Музыка – мелодия проникшей в сердце симфонии, песни, романса – способна задеть самые тонкие стру-

ны чувств и вызвать сопереживание, сострадание, осознание твоей причастности к огромному миру человека. Музыка может больше всех сказать человеку о нем и его настроении. Она способна принести ему в его столь короткой жизни нечастое ощущение счастья. Я знаю, оптимизм – категория не возрастная. Все больше убеждаюсь, что осень жизни так же щедра на подарки, как и осень года.

Признаюсь читателю, что в моих размышлениях, с которыми ему предстоит познакомиться, мне не удалось, как я ни пытался, избежать исповеди, покаяния. Не удалось, ибо я сын своей нации, у которой исповедь – самый излюбленный мотив. Не хотел исповедоваться, ибо исповедь – это всегда оправдывание. А оправдываться мне не в чем. Да и не любят в моем Отечестве поздних оправданий, не любят кающихся грешников.

Перечитывая в этой книге свое прошлое, я ни от чего не отрекаюсь и не принадлежу к тем, кто предал анафеме то, чему вчера поклонялся. Я понимаю и признаю, что многие из заблуждений и извращений социализма по воле тиранов принесли людям немало несчастий и трагедий, и горько сожалею об этом. Но, исповедуясь, я сохраняю свою веру. Для меня социалистические идеи столь же нерушимы, как религия, вера в товарищество и братство людей, в справедливость и равенство, вера в обязательное торжество счастья для всех достойных. Вера, без которой я не представляю разумную и честную жизнь человека на этой земле. Эти идеи вынашива-

лись веками, и нет их прямой вины в трагедиях прошлого, как нет вины идей Христа за то, что во времена инквизиции творили от Его имени.

Я верю в огромные не востребуемые нравственные потенции социалистических идеалов, тех самых, что так безжалостно были выброшены и растоптаны большевизмом и сталинизмом. Верю, как в давней давности социалистам-утопистам, так и нам сегодня нужна эта мечта о светлом будущем. Больше всего боюсь сегодня, что человек, отвергнув социалистические идеалы, утратит веру в добро, справедливость, братство людей и останется одиноким, никому не нужным в суровом мире бытия.

Я оптимист и остаюсь им даже в это трагическое для Отечества время. Помогают мне сохранить оптимизм те вечные ценности, которые не подвержены изменениям времени. Вот одна из них, самая значительная – весна! Смотрю, за окном апрель, и думаю: никто не сможет совладать с ней, отменить – ни СНГ, ни Московская мэрия, ни российский президент. Вдыхаю весну, вижу, как вновь обновляется пробужденная природа, и думаю о мудром вечном постоянстве мироздания: после холодов – тепло, после засухи – дождь и урожай, после отчаяния – надежда, после горя – радость. Разве это не источник для оптимизма и веры в мудрую целесообразность бытия?

Еще один источник оптимизма – может быть, самый главный – Отечество, дарованное мне моими предками. Труд-

на, многострадальна, горестна история моего Отечества, но и знаменита, славна могучим добросердечным народом, великой историей, ни с чем не сравнимой природой, неповторимой ценности культурой. Мое Отечество переживало разные времена, среди них были смутные, когда его живое тело рвали на части безродные временщики, грабили национальное достояние, но оно всегда находило в себе силы, вставало из руин и снова во всем могуществе представало перед миром. И я верую – не может погибнуть мое Отечество с его могучим народом и великой культурой.

Старость – это тоже привычка, заметил один мудрый человек. Я не чувствую тяжести лет, живу полнокровной жизнью и как оптимист верю, что в ней еще будет счастье, и если не мое, то моих детей, внуков, ради которых я живу. Убежден, они будут более счастливыми, чем мое поколение, ибо мы очень дорого заплатили, чтобы это произошло.

Тебе предстоит, читатель, познакомиться с моими заметками, размышлениями. Не суди меня слишком строго: все, что я намерен поведать и представить на твой суд, всего лишь свидетельства времени. А свидетельства – это только отдельные черты сурового времени, которое мы прожили и в котором продолжаем жить.

У каждого своя судьба и свой крест, чтобы нести его всю жизнь. Судьба не бывает одинаковой, у каждого она своя, только ему данная, и ее надо пронести достойно, не жалуясь, ибо за нами идет следующее поколение с теми же исканиями

смысла бытия и познания себя. И если эта книга в чем-то сможет помочь в этих исканиях, значит, она была написана не напрасно. И потому посвящена она моему внуку Даниле с надеждой, что судьба к нему будет более благосклонной.

Глава I

Истоки

1

Все имеет свое начало. Началом каждого из нас являются наши родители. Мы их продолжение, и в них наши истоки. Истоки достоинств и недостатков. Родителей не выбирают, они, как и судьба, предназначены каждому из нас свыше.

Мои родители были простыми, обыкновенными людьми. Происхождение свое вели от крестьянского рода, корни которого затерялись в Центральной России, в Тамбовской губернии. Еще до того, как они появились на свет (они были погодки: отец – 1908-го, а мама – 1909 года рождения), родители их в поисках лучшей доли обосновались в Оренбургской губернии, в казачьем поселке Бородиновка Березиновской станицы. Здесь в 1929 году, в ноябре месяце, в Михайлов день по церковному календарю, я и родился. Мой дед со стороны отца, Ненашев Яков Семенович, был урядником оренбургского казачества, а дед со стороны матери, Труфанов Андрей Иванович, имел казачий чин вахмистра и два Георгиевских креста за участие в Русско-японской войне 1905 года.

Может быть, я еще напишу о своих родителях, но это будет уже другая книга. Здесь же расскажу лишь о том, что в них было примечательного, какие свидетельства времени они несли в своей жизни. Среди многих качеств, свойственных им, больше всего запомнилось не знающее усталости крестьянское трудолюбие до самой глубокой старости, пока их не одолели хвори и годы. В своей памяти я так и не могу представить их в праздности. Все, что они делали в жизни, меньше всего было посвящено себе и отдавалось без всякой корысти детям, внукам, дальним и близким родственникам. Жизнь не была к ним слишком милосердной, но они никогда не жаловались. Безропотно, сохраняя неизменный оптимизм, несли свой крест, повторяя, как ежедневную молитву, старую крестьянскую заповедь: «Терпение и труд все перетрут».

Не один раз раздумывал я о происхождении многотерпения и безроптности своих родителей. Откуда они? От обычной крестьянской неприхотливости и привычки к нескончаемой череде трудностей, невзгод, сопровождающих их всю жизнь, или от рабской покорности и терпения, унаследованных от отцов и дедов? Однако, думаю, не только это формировало их биографии. Не знаю, разделит ли мое мнение читатель, осмелюсь, однако, предположить, что суть бытия моих родителей, как и других, принадлежащих к поколению, чья сознательная жизнь измеряется таким фатальным рубежом, как 1917 год, определяло время от одного крепостно-

го права к другому: от крепостного рабства, отмененного на Руси только в 1861 году, там истоки их предков, до советского, тоже тяжелого, трагического для крестьян, которое стало сутью жизни моих родителей и моей.

Семья, где родилась и выросла моя мать, была из бедных. И дед, и его братья большую часть жизни, исключая годы обязательной казачьей службы и войн в защиту Царя и Отечества, батрачили и жили у богатых казаков. Они были известными в станице пастухами и искусными наездниками. В этом я мог убедиться сам, когда дед Андрей посадил меня, пяти лет от роду, впервые верхом на коня, а я тотчас же как куль свалился с него, и он, скрывая огорчение, терпеливо показывал, как должен себя вести в седле настоящий казак.

Семья отца была зажиточной, но только оттого, что от зари до зари работала в поле и имела крепкое, при собственных лошадях и волах, хозяйство. По рассказам отца, они, трое братьев и две сестры, работали с малолетства без выходных на своей земле. А вот достаток, как видно, не был особенно велик, ибо все три брата при женитьбе, мой отец это хорошо запомнил, будучи самым младшим, надевали одно и то же парадное пальто и одни сапоги, хотя разница в возрасте от старшего к младшему составляла 8 лет.

Чтобы не оборвалась тонкая нить связи времени между поколениями, попросил я, за три года до смерти, своих родителей написать их биографии: и то, что они помнят сами о своих предках, и то, что они слышали от них. С крестьян-

ской добросовестностью написали мне они свои биографии. Теперь, перечитывая эти записи, не могу сдержать слез – так много оставили они на этих тетрадных страницах в клеточку свидетельств своей жизни, проявив при этом удивительно здоровое и спокойное восприятие выпавших на их долю горестей и радостей. Обращают на себя внимание, как черты времени, распространенные в рассказе родителей, в объяснениях крутых перемен их жизни, переездов выражения: взяли, забрали, мобилизовали. Вчитываюсь в корявые строки, размышляю и вижу, как суровое время истории нашего Отечества тяжелым плугом перепахало судьбы моих родителей без жалости и сострадания. И особенно горестной кажется их жизнь оттого, что была она самой обыкновенной, типичной для поколения, для судеб миллионов людей с обычными для всех трагедиями. Страшное было время, если ему были свойственны такие несоединимые в нормальном человеческом представлении понятия, как обычные трагедии.

У матери, в нищей батрацкой семье, которая так и не смогла до ее замужества выбраться из низкой землянки с полом, устланным лишь соломой, было 13 детей. От болезней, эпидемий – спутников нищеты – в раннем возрасте умерло 10. Осталось трое – старший брат Василий, средний Степан и моя мама. В 1919 году, в разгар Гражданской войны, насильно мобилизованный сначала белыми, а потом красными, погиб в оренбургских ковыльных степях Василий. В 1921 году, голодном году на Урале, когда вымерло более трети деревни,

Степан в возрасте 20 лет поехал в ближайший город Троицк за хлебом. Поменяв на базаре остатки казачьей одежды на ведро муки, при возвращении с таким «богатством» запозднил и заночевал на одном из придорожных хуторов. Хозяева, недобрые люди, увидев содержимое сумки гостя, убили его ночью и выбросили тело подальше от дома. Так осталась моя мама у родителей одна, единственная надежда и радость.

В семье отца из девяти рожденных детей выросло три брата и две сестры. Мой отец был младшим, и, согласно крестьянской традиции, ему было суждено жить со своими родителями и заботиться о них до конца дней. Так оно и случилось, однако не согласно традиции. В 1937 году всех братьев, в том числе и отца, вместе с моим дедом (их отцом) арестовал районный НКВД. Это был февраль 1937 года – разгар массовой кампании поиска врагов народа в каждом городе и в каждом селе, от Москвы и до самых окраин. Я хорошо помню эти ночные аресты, они безжалостной косой, как по траве, прошли по многим семьям. Через несколько месяцев отец и дед были освобождены от ареста. Их не отправили из районного центра в места не столь отдаленные эшелонам, по моему предположению, лишь потому, что уже, очевидно, была перевыполнена разнарядка арестов по району, или оттого, что было подано недостаточно вагонов для дальнейшего следования арестованных, других причин, судя по всему, не было.

Старший брат отца – Иван, и средний – Яков, так и сги-

нули без вести и слуха, от них не было получено ни единого письма, и посмертно они были реабилитированы только в 1956 году. Отец мой, избежав лишь по случаю их судьбы, прожил большую часть своей жизни с клеймом брата врагов народа и в постоянном страхе за детей, а нас было четверо, и с тяжелой ответственностью за родителей своих и многодетных семей пропавших братьев.

Став взрослым, я много раз думал над тем, откуда у него брались силы, чтобы выдержать эту непосильную для одного человека ношу и этот многолетний изнурительный гнет постоянного страха за себя и своих близких. Сам он никогда не обращался к этой теме, думаю, оттого, что приказал себе раз и навсегда не бередить кровоточащие раны и одновременно хотел и нас, своих детей, оберечь от этих опасных своим повторением и последствиями событий.

Отец выдержал предвоенное лихолетье, сохранил и уберег все семьи, и свою и братьев, от голода и холода, пережил тяжелое время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Однако в 1970 году, когда ему исполнилось лишь 62 года и все мы, его дети, жили уже отдельно от родителей и стояли на собственных ногах, он принял неожиданное для всех нас решение – вышел на пенсию, оставил деревню, где прожил всю свою жизнь, и переехал в город Челябинск, где я в то время работал. Мы видели, что стоило ему и каким непростым для него было это решение, прямо по живому отрезать все привычное, ставшее сутью его жизни: рабо-

ту, собственное хозяйство и дом, друзей, с которыми делил столько лет и радости и беды. Будучи человеком крепким физически, активным, ежедневно занятый не менее 10 часов на работе и по 3—4 часа в своем хозяйстве, в городе он как-то быстро увял, стал безразличным к тому, что происходило вокруг, закрылся в стенах квартиры и ушел в себя. И нам показалось тогда, что мы, дети, даже более тяжело перенесли родительский переезд, ибо он сразу оборвал все связи с детством и лишил нас малой Родины, с которой начиналось наше Отечество. Признаюсь: до сих пор вижу во сне (теперь почему-то чаще) маленькую речку Тугузак, а проснувшись, не могу освободиться от нестерпимого желания посидеть летом на ее берегу, опустив ноги в теплую проточную воду.

Тогда я видел только одну причину отъезда родителей из родных мест — они не могли долго оставаться в одиночестве, без своих детей и внуков, так много мы занимали места в их жизни. И только через много лет, когда в сентябре 1991 года я приехал в Челябинск, чтобы выполнить последний долг сына — похоронить отца, я понял, что существовала и другая, может быть, самая серьезная причина отъезда из деревни. Отец устал от жизни, устал физически, морально, от многолетней ответственности, от страха за своих близких, когда он обязан был выжить, чего бы это ему ни стоило, и теперь ни за что не хотел отвечать. Устал от жизни, в которой ему так много врал и так долго обманывали. Потому он сказал себе: «Хватит, теперь я не хочу больше ни за что отвечать и

ни в чем участвовать, свой крест я пронес, пусть теперь его несут мои дети».

Так в жизни моих родителей отразились черты сурового и жестокого времени. Они не были ни героями, ни страдальцами, а были лишь одними из многих, самых обычных граждан своей страны, на долю которых выпала обычная для всех участь. Встречаются, и нередко, в нашей обыденной жизни люди, которые считают себя обычно несчастными, обиженными больше других судьбой. Мои родители не были такими, ибо никогда не сетовали на жизнь и не считали себя несчастными. Размышляя над этим, я как-то обратился к простым, житейским, но оттого и мудрым суждениям Монтеня, известного философа повседневности. И вот что я прочел в его книге «Опыты»: «Каждому живется хорошо или плохо в зависимости от того, что он сам по этому поводу думает. Доволен не тот, кого другие мнят довольным, а тот, кто сам мнит себя таковым». После похорон отца, еще не зная, что ей отпущено свыше прожить всего 35 дней, мама говорила мне, что ее не страшит старость, она спокойна и ничего ее не тяготит, так как прожила она долгую и достойную для людей жизнь, счастлива своими детьми, внуками, рада, что они пошли дальше и, наверное, сделают на этой земле куда больше доброго, нужного, чем это удалось сделать ей. У моей мамы, такой маленькой женщины, всего 150 сантиметров ростом, было такое большое сердце, что его хватало на всех — близких и дальних.

Я останавлиюсь здесь в своих заметках о родителях, чтобы ответить и на другие вопросы. И среди них вопрос, который тоже нельзя обойти: чем запомнилось детство, что от него сохранилось в памяти на всю жизнь?

Детство не было таким лучезарным, как о нем часто пишут классики. Больше сохранились в памяти не восход солнца у самого края деревни в раннее утро, не вечерняя роса у опушки леса, хотя и они запомнились, а постоянные заботы, с того времени, как помню себя, о том, как прожить. Для обычной деревенской семьи заботы о каждодневном добытии хлеба насущного были сутью жизни, законом и моралью бытия. Я был старшим среди детей, и с меня был первый спрос. Заботы крестьянские многообразны и нескончаемы в любое время года: вырастить и убрать большой огород, без него не прожить, накосить и сложить сено для коровы-кормилицы и овец, приготовить топливо на всю долгую уральскую зиму и многое другое входило в мои обязанности вместе со взрослыми. Я помню, как мама, жалея меня и чтобы как-то скрасить нудную и бесконечную, в течение всего лета, прополку огорода, приговаривала: «Глаза боятся, а руки делают». Значит ли это, что у меня было трудное детство? Конечно, нет, оно было обычным деревенским, как и у всех сверстников. И детских радостей в нем было куда больше, чем горестей, и дни были, как и у всех в том возрасте, не в пример теперешним, долгими, памятными. Когда думаю об этом, почему-то всегда на память приходят слова песни:

«Годы детства пахнут сладко-сладко, остается горечь на губах». Эта горечь как та полынь, без которой деревенское разнотравье было бы пресным.

Каждый кулик хвалит свое болото, и я тоже думаю, что городским детям, в отличие от деревенских, многое неизвестно: приятная усталость после тяжелой работы рядом со взрослыми на сенокосе, а потом купание в теплой реке, запах скошенного сена, когда ты его из копен накладываешь на фургон, запряженный волами, свежесть утренней росы у опушки леса, где мы ловили совхозных стреноженных коней, чтобы косить и сгребать скошенные травы. Потом, когда приходилось назойливо напоминать своим детям: учеба в школе – это ваш труд, я всегда думал – это нравовучение не для сельских ребят.

Впечатления детства имеют над нами власть всю жизнь. Из того, что навсегда осталось из раннего детства, с пяти лет и на всю жизнь, как самое светлое, было мамино чтение в долгие зимние вечера. Помню маленькую керосиновую лампу, тепло от натопленной печи и мамин голос, как я всегда ждал конца дня. Эти вечера стали для меня неповторимыми уроками радости и заменяли неизвестные тогда радио, телевидение, кино... Страницы Аксакова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Жюль Верна, Майн Рида, Марка Твена, Джека Лондона открывали огромный неизвестный мир, будили фантазию, желание понять, увидеть все услышанное своими глазами. Теперь я читаю эти книги внуку, вижу, как горят его глаза.

Жизнь продолжается.

А еще песня. Труфановы – родня мамы – любили песню и славно певали. Прекрасно пела мама. Теперь я знаю – годы не способны стереть того, что проникло в сердце и осталось там навсегда. С какой-то светлой грустью не просто вспоминаю, а вижу, и с возрастом все лучше, фургон, запряженный волами, который медленно движется по проселочной дороге. На возу с сеном прямо у поднебесья мы с мамой, дорога долгая – от копен сенокоса до совхозного сеновала 4–5 километров, а волы не лошади – шагают мерно, не спеша. И вот эта дорога, после того как я набрасывал снизу вилами огромный воз (мужчина в 14 лет обязан был быть внизу и делать то, что тяжелее), а мама аккуратно укладывала сено, чтобы ничего не растерять, всегда сопровождалась песней. Пели мы на два голоса, мама запевала, а я вторил ей. Начинали обычно что-нибудь из русских народных, протяжных:

Ой да ты калинушка, размалинушка,
Ой да ты не стой, не стой на горе крутой...

Затем обязательно следовали старые казачьи:

Скакал казак через долину,
Через Маньчжурские края,
Скакал он, путник одинокий,
Блестит колечко на руке...

Не забывали мы грустные военные песни, ведь это были 1941–1944 годы: «Темная ночь», «Синенький скромный платочек», «Бьется в тесной печурке огонь...». Я не могу сейчас найти слов, чтобы передать, что я чувствовал в то время. Помню только, как светло, легко становилось от песни, может быть, так же, как от молитвы у верующего. И уже не казалось мне, что будет тяжело еще и еще раз загрузить большой воз, уже не столь трудными виделись наши с мамой заботы продержаться с большой семьей без отца, пока он в солдатах, верилось – мы все выдержим, осилим.

Часто думаю, как мы кощунствуем, когда теперь зло зубоскалим по поводу не столь давнего из нашей юности: «Нам песня строить и жить помогает...» Если уж правда не помогает, то ничто нам уже не поможет. Не судить, а понять нужно поколение, у которого любимой песней была песня «Широка страна моя родная...», любимым кинофильмом «Чапаев», любимой книгой «Как закалялась сталь» Н. Островского.

По глубине впечатлений с чтением мамы могли соперничать только неторопливые обстоятельные рассказы дедов о старине, о казачьих былях и легендах. Оба они от природы были людьми одаренными, многоопытными, ибо прожили трудную и до предела насыщенную отечественными событиями жизнь. Еще не умея читать, от дедов я услышал и узнал о Русско-японской войне и революции 1905 года, о Первой мировой войне, о Гражданской войне и горе, кото-

рое она несла казакам в их семьи, разделив на красных и белых. Необычный, наполненный разнообразными событиями казачий быт во всех своих житейских проявлениях возникал передо мною из этих рассказов. И когда в четвертом классе я впервые сам прочитал «Тихий Дон» М. Шолохова (эта книга у нас в семье была самой известной), мне уже было многое понятно, знакомо и герои романа воспринимались как живые близкие люди.

Когда я теперь встречаю в печати рассуждения: современное казачество – это лишь спектакль, понимаю: принадлежат они авторам, мало что знающим из многострадальной истории российского казачества. Хорошо знаю от своих дедов: казачество – это не спектакль, а пропитанная кровью живая история становления и защиты Российской державы; это страшные страницы Гражданской войны; это и сегодняшние окопы Приднестровья. И то, что движение казаков по всей стране – от Москвы и до самых окраин – так быстро организовалось, объединилось, тоже не случайно. За этим стоят святые традиции, которые не удалось затоптать за долгие годы советской власти, за ними не умершая во внуках военная доблесть казачества – этого уникального по мобильности воинства; за ними преимущества земельной собственности на основе всевластия общины и так дорого стоившие самостоятельность и независимость казачьего самоуправления. Поэтому я верю, что возрожденное казачество еще скажет свое слово в защиту униженного Отечества.

Школьные годы остались в памяти как годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Так совпало, что в 1941 году я закончил в своей деревне четыре класса начальной школы. Мне было почти 12 лет, и я хорошо помню этот солнечный летний день 22 июня, ставший началом страшной и долгой войны. Утром рано мы с отцом на лошади выехали в поле, ему, совхозному счетоводу, надо было обмерить стога скошенного сена, я помогал ему. Вернулись мы в 2 часа дня в хорошем настроении, вся семья села за стол, еще не зная того, что началась война, которая станет в судьбе нашего Отечества такой большой трагедией. Только в 6 часов вечера из райцентра прискакал на коне гонец с телеграммой, другой связи не было, где извещалось о начале войны. Помню, как у конторы совхоза собрались все жители деревни, мало кто тогда остался дома. Запомнилось, что с этого часа люди, как это бывает только при большом горе, сразу изменились и стали другими, не похожими на тех, кого я видел с утра. На лицах было смятение перед зловещим и еще непонятым словом – война. Контрастом к испуганным лицам звучали бодрые речи, они еще выражали общее предвоенное настроение – на удар врага мы ответим двойным ударом, малой кровью и скорой победой закончим войну.

Участники деревенского митинга были малообразованными и не искушенными в мировой политике людьми. Они искренне верили в те победные песни и марши, которые тогда распевала вся страна. Им было трудно представить, что

лишь самая малая часть взрослых мужчин, участников совхозного собрания 22 июня, вернется с войны и не будет скорой и легкой победы, а последуют почти пять долгих страшных лет, и не только для тех, кто уже завтра будет мобилизован, но мучительных и для тех, кто останется здесь, в деревне, далеко от фронта. Совсем неведомо было и то, что всего лишь один год будет отделять меня от мальчишек, почти сверстников, 1926–1927 годов рождения, ставших участниками и жертвами этой войны.

Война многое изменила, не оставив никого без своего внимания. Вмешалась она и в мою мальчишескую судьбу. Школа в нашей деревне, всего несколько лет работавшая как семилетняя, была закрыта, оставили только начальную, некому было учить, и некогда было учиться. Так осенью 1941 года в числе немногих сверстников из нашей деревни поехал я в райцентр, чтобы продолжить учебу в пятом классе.

Годы войны и учебы были тяжелыми, постоянно тревожными оттого, что каждый месяц мы провожали близких на фронт. Редкий день в эти годы мы не становились свидетелями человеческих трагедий, когда в знакомые нам семьи приносили извещения о погибших на фронте. И сама школа военных лет была особой – и тем, что в ее основном здании в райцентре разместился госпиталь и она пребывала в стареньких деревенских домах, в пяти местах, и тем, что мужчины-учителя ушли на фронт и по многим предметам не хватало преподавателей. Запомнились эти годы постоянным ощу-

щением голода, ибо часто есть было просто нечего. Голоду все годы войны сопутствовал холод, оттого что мы были плохо одеты, оттого что некому было заготовить дров для школы, и делали это мы сами. Школа военных лет не могла слишком много прибавить к нашим знаниям, но, будем справедливыми, она прекрасно учила жизни, ее суровая повседневность была тем мудрым учителем, уроки которого мое поколение запомнило на всю жизнь.

В эти годы пришло познание многих новых понятий, как политотдел (в годы войны они вновь были созданы в совхозах и МТС), райком, НКВД. НКВД, возникший в моем сознании первый раз зимой 1937 года как нечто злое, способное лишить нашу семью отца и даже того скромного бытия, в котором мы пребывали. Большой деревянный дом районного НКВД расположен был недалеко от землянки моей тети (сестры отца), у которой я жил в райцентре все годы учебы в школе, и ежедневно, проходя мимо его окон, всегда закрытых плотными шторами, часто думал о том, какие тайны скрываются за ними. Не многое тогда я мог понять, но, как маленький зверек, инстинктом чувствовал, что от этого дома исходит нечто недоброе, опасное для меня, для других людей.

Школа моего детства и юности имела одно несомненное преимущество – она учила нас самостоятельности, приучала самому отвечать за себя, воспитывала терпение к лишениям. Уже позднее, в институте, когда изучал педагогику, пси-

хологию, наблюдал, каким трудным бывает для многих молодых людей становление в студентах, я не раз возвращался к тому, что открыл и понял в своем деревенском детстве. Я видел, что деревня, в отличие от города, имеет значительно худшие условия для образования, культуры молодежи. На селе часто отсутствуют обычный дом культуры, кинотеатр, стадион; именно так было в моей деревне, что уж там говорить о театре, музее, концертном зале. А в то же время сельская молодежь в нравственном отношении обычно бывает более здоровой, чистой, чем городская. Отчего это? Очевидно, оттого, что юноша, выросший в деревне, вместе с молоком матери впитывает в себя все те здоровые начала, которыми повседневно живет каждая крестьянская семья. Люди деревни, подобно моим родителям, обычно не имеют какого-либо педагогического образования и не владеют никакими воспитательными секретами. Своей обычной, заполненной повседневными заботами жизнью утверждают в сознании своих детей главный педагогический принцип – делай и живи, как я: трудись, неси свою долю ответственности за бытие своей семьи, и ты станешь человеком. И нравственность, как я думаю, больше не от проповеди педагога, священника, а от осознания цены труда, от усвоенного с детства от старших – все полученное, приобретенное честно может быть только заработанным твоими руками. Признаюсь, крестьянские заповеди от дедов – не всяк, кто ест сытно и спит на мягкой постели, спит спокойно – мною были усвоены с

детства и на всю жизнь. Сошлюсь на мудрое определение Дала: мораль – это правила для совести человека. Эти правила формирует сама жизнь, и университеты, которые мы проходим в детстве, ничем нельзя заменить.

Не знаю, удалось ли мне донести до читателя хоть малую часть уроков, усвоенных с детства. Утешаю себя тем, что не в назидании благодать, а в настроении сопереживания, сочувствия, сострадания. И если эти наблюдения, заметки смогут вызвать это настроение, желание заглянуть в свое детство, значит, они были не бесполезны.

2

Студенческие годы для каждого, кто прожил их, особые годы. Осенью 1948 года я поступил в Магнитогорский педагогический институт на исторический факультет. Магнитогорский только потому, что он был из всех институтов самым близким, по железной дороге всего в 100 километрах от нашего райцентра. А вот то, что это был педагогический институт и исторический факультет, не было случайным. Выбор был сознательным, никем не навязанным, ибо с детства я сохранил интерес к гуманитарным наукам – истории, литературе.

Магнитогорский педагогический институт был, как я теперь думаю, даже среди других провинциальных институтов со всеми их слабостями и недостатками в числе последних.

Созданный во времена строительства Магнитки в 1933 году, обескровленный в годы войны, он в 1948 году отличался неописуемым убожеством и нищетой. В актовом зале, когда-то, очевидно, лучшем зале института, стояли обычные садовые скамейки на железной основе, к тому же этот зал, как и многие аудитории, все годы, что мы учились, находился в аварийном состоянии и периодически закрывался. По уровню преподавания и научной квалификации преподавателей он был ближе к двухгодичному учительскому институту. В первые два года в нем не было ни одного профессора и доктора наук, редкими на кафедрах были и кандидаты наук. Разумеется, мои оценки – порождение опыта и знаний нынешних лет. А тогда, в 1948 году, робкий первокурсник, приехавший впервые в город из деревни, где он прожил безвыездно все свои 18 лет, вступил в храм науки благоговейно и с провинциальной непосредственностью и робостью относился ко всему, что ему предлагал институт.

На самом первом этапе учебы в институте – он был недолгим, всего два семестра, – нам, воспитанникам сельской школы, больше всего мешала наша застенчивость, боязнь выглядеть смешными, нелепыми среди уверенных в себе городских выпускников. Но мы умели не жалеть себя, умели переносить перегрузки и работать до самого закрытия институтского читального зала, и уже через год многие из нас, сельских аборигенов, были в числе лучших студентов. Гуманитарные интересы, знания, накопленные от многолетнего

общения с книгой, крестьянское честолюбие – быть обязательно первым в деревне – помогли войти в число отличников курса и факультета.

Институт особенно памятен тем, что позволил испытать ранее не изведенное чувство удовлетворения и радости от добывания знаний, изучения первоисточников – древних летописей, работ известных историков России: Карамзина, Соловьева, Ключевского, Костомарова. Многих из этих авторов в то время можно было обрести только на стороне, у знакомых, в библиотеке института эти имена не присутствовали, еще не наступил 1956 год. Студенты-историки нашего курса благодарны до сих пор доцентам Эйсымонту и Алпатовой, которые больше других учили нас думать, анализировать происходящее вокруг. История СССР, новая и новейшая история преподавались квалифицированными, влюбленными в свое дело преподавателями.

Странное представление вызывали у студентов преподаватели, ведущие профессиональные курсы: педагогику, психологию, методику. Самое удивительное здесь состояло в том, что занятия вели, как правило, люди, никогда не работавшие в школе. Интерес к этим предметам пробуждался в институте всего лишь дважды, на 3-м и 4-м курсах, когда проходила педагогическая практика. Уроки учителей-мастеров, профессионалов, обсуждение первых робких учительских проб однокурсников обычно вызывали интерес к школе даже у самых равнодушных. Особое волнение наступало

тогда, когда самому приходилось выступать в роли учителя и на тебя внимательно, с ироническим любопытством смотрело тридцать пар лукавых ученических глаз. Здесь приходит то удивительное чувство удовлетворения, когда тебя слушают, понимают и когда ученикам интересно, что ты говоришь. В это время начинаешь понимать, что ради этого прекрасного чувства наши многострадальные учителя переносят все трудности, идут на такие большие затраты и потери. Кажется, у Вольтера есть замечание о том, что труд избавляет от трех зол: бедности, порока и скуки. Не буду судить о первых двух, ибо богатым не был, в пороке тоже не погряз, а вот скуки в институте действительно не ведал оттого, что работал ежедневно не менее 12 часов.

Время пребывания в студентах – это не только лекции и семинары, уроки в школе. Это начало большой, на всю жизнь, дружбы, это спортивные соревнования, где ты вместе с командой легкоатлетов перед лицом всего города до темноты в глазах бежишь в эстафете по улицам, чтобы опередить соперников и отстоять честь института. Институт – это веселые студенческие вечера, долгие свидания с той самой студенткой литературного факультета, которая станет потом другом и соратником на всю жизнь. Институт – это когда горизонты твоих представлений о жизни все больше выходят за рамки учебных программ.

Для студентов нет запретных тем и вопросов, даже если на дворе еще только 1950 год, а в стране царит культ вождя

и отца нации. Все равно идут споры по поводу космополитизма и патриотизма, о писателях Зощенко и Ахматовой, о композиторах Шостаковиче и Шапорине, о маршалах Жукове и Рокоссовском, о приезде А. Фадеева, его жизни в городе и появлении первых глав его нового романа «Черная металлургия», судьба которого оказалась столь трагической для писателя.

Институт – это и огромный рабочий город металлургов, строителей. Это город-завод, где все принадлежит металлургам: дворец культуры и театр, трамвай и стадион, библиотека с лучшим читальным залом. Завод, определяя всю жизнь города, оказывал влияние и на институт. Мы были частыми гостями металлургического комбината и не в кино, а воочию видели и знали эти днем и ночью горящие доменные и мартеновские печи и людей этой огненной профессии – сталеваров и доменщиков. Со многими из них – молодыми рабочими, техниками, инженерами – мы дружили, встречались на вечерах, спортивных площадках. Редкий месяц проходил, чтобы мы не участвовали в субботниках на комбинате по очистке железнодорожных путей от снега, благоустройству, сбору металлолома. К Магнитогорску – первому и самому родному городу – остались самые светлые чувства на всю жизнь.

Интересным, насыщенным был и следующий этап жизни – время учебы в аспирантуре в Ленинграде. Он был коротким – всего четыре года. Но по содержанию и своему влиянию занял особое место. Связано это было с благодатным

временем аспирантуры, смысл которой в том и состоял, чтобы серьезно заняться самообразованием, восполнить все то, чего не добрал, не получил в школе, институте. К тому же проявилась редкая благосклонность судьбы – это благодатное время проходило не где-нибудь, а в Ленинграде, пребывание в котором в течение четырех лет было просто Божиим даром, ибо позволяло пользоваться всем тем, чем располагал этот неповторимый город – хранитель традиций, истории и культуры Отечества. Влияние этого ленинградского этапа на все последующее было ощутимо и потому, что это были 1952–1956 годы, особые в отечественной истории, ставшие началом того перелома в сознании людей, который не закончился и до сих пор.

Время аспирантуры – счастливое время самоопределения, когда человеку позволено располагать своим временем и предоставлена возможность им распорядиться согласно своей воле и интересам. Индивидуальный творческий план аспиранта обычно делился на две равные части: полтора года – сдача аспирантских экзаменов, а вторая половина – работа над кандидатской диссертацией. Программа экзаменов кандидатского минимума мало что прибавляла к обычным вузовским курсам истории КПСС и философии. Она отличалась главным образом обширностью списка первоисточников классиков марксизма-ленинизма, по каждому из предметов не менее 200 названий. Это занимало большую часть времени при подготовке к экзаменам и почти не оставляло

возможности познакомиться с авторами, не включенными в список обязательной литературы для аспирантского чтения. И уже позднее, при работе над диссертацией, получив возможность с особого разрешения по утвержденной теме пользоваться запретной по тому времени литературой из так называемого спецхрана, посчастливилось мне читать труды Бердяева, Кропоткина, дневники Николая II, мемуары Милюкова, Гучкова, Деникина, Краснова... Научный руководитель, флегматичный и добрый по природе человек, Первышин Григорий Васильевич сам занимался древней философией, но поддержал мое смелое по тому времени намерение подготовить диссертацию на тему «Ленинское учение о революционной ситуации и практика Великой Октябрьской революции».

Тогда никто из нас, претендующих стать исследователями общественных процессов, не представлял, что основные признаки революционной ситуации, требующие радикальных изменений, «когда низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому», уже зарождались в глубинах советского общества. Формирование политического кризиса от 60-х к 70-м годам и от 70-х к 80-м вызвали в конечном результате и те перемены в стране, которые были начаты в 1985 году. Однако до этого еще было далеко. А между тем Ленинград с его бесценными богатствами истории отечественной культуры: Эрмитажем, Русским музеем, Петропавловской крепостью, Казанским и Исаакиевским со-

борами, скульптурой Петра I у Адмиралтейства, устремленной на Запад, – нес свою революцию в сознание, необычайно расширяя представления об Отечестве и российской истории.

Не могу взять на себя смелость писать о городе Петра Великого после А. С. Пушкина и других гениев отечественной культуры. Решусь лишь передать читателю восприятие человека, национальное достоинство которого с особой силой пробудилось именно здесь, в городе, созданном великим народом. Признаюсь, здесь ко мне пришло осознание величия многострадальной истории Отечества, понимание того, как труден был каждый шаг на пути возвеличивания Российской державы. И это чувство с тех пор никогда не покидало меня и звучит как главный мотив во всех моих оценках и суждениях, взглядах и представлениях.

Трудной, трагической была судьба Ленинграда в XX веке: он пережил, став колыбелью, Октябрьскую революцию 1917 года, трудные годы Гражданской войны; перенес вакханалии сталинских репрессий (Сталин не любил этот город и боялся его); выстоял в тяжкие годы военной блокады ценой жизни многих тысяч своих граждан. Только здесь стали мне понятны истоки свободомыслия людей, живущих в этом городе. В моем представлении, они – от самого дерзкого рождения города по воле Петра I, от Октября 1917 года, от горечи потерь в Гражданскую войну, от жестоких утрат блокады, от неудовлетворенности духовным обнищанием города времен

правления посредственностей – от Фрола Козлова до Григория Романова. Здесь и непростительная советской власти за уничтожение ею генофонда нации, искалеченные судьбы интеллигенции, оказавшейся на многие годы в своем Отечестве в положении изгоев, здесь и горечь утрат войны и сталинских репрессий, здесь и протест против превращения Ленинграда в послевоенные годы в заурядный провинциальный город. Вдумываясь в эти сложные процессы, где так своеобразно переплелись судьбы людей с судьбой Отечества, и вслед за Пушкиным повторяю: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия...»

Годы учебы в аспирантуре (1952–1956) были началом тех больших потрясений в жизни страны, которые подготовили все последующие перемены. Первым из них стала смерть Сталина в марте 1953 года. Сила культа его личности была настолько велика, что многие тогда вообще не представляли жизнь страны без вождя. Вторым потрясением явилось дело Берии. Теперь оно часто рассматривается в ряду других преступлений культа личности. Тогда же впервые был открыт черный занавес, и все увидели, какой грязной и кровавой была диктатура Сталина. Я на всю жизнь запомнил, как нам, аспирантам-коммунистам Ленинграда, в актовом зале университета в течение двух долгих вечеров (до поздней ночи) читали длинное страшное обвинительное заключение по делу Берии. Только тогда мне стали понятны тайны, происходящие за шторами окон нашего сельского районного

НКВД, о которых я размышлял еще в школьные годы.

Третьим потрясением стал XX съезд КПСС в феврале 1956 года, и в особенности доклад Н. С. Хрущева, посвященный культу личности Сталина. Он явился грозовым с молнией ударом по сознанию всех, кто размышлял над тем, что происходит в нашей стране и как нам жить после Сталина. Величие XX съезда состояло в том, что он взорвал многолетние стереотипы наших представлений, открыл шлюзы для самостоятельного критического мышления, после долгих лет бездумного послушания советские люди начали думать.

Эти потрясения были для моего поколения настолько ощутимы и глубоки, что мы их уже никогда не могли забыть. В них начало всех наших последующих сомнений и исканий. Существует много суждений по поводу того, кто они, дети XX съезда КПСС. Тема эта особая, большая, и она ждет своего летописца. Сейчас же замечу только, что при всех потрясениях, которые вызвал этот съезд, его идеи, оценки пали на подготовленную почву.

Жизнь учит: истина рано или поздно, но отпразднует свое торжество и посмеется над своими хулителями, только вот плата за ее торжество часто оказывается неимоверно великой. Все, кто испытал трагические последствия культа, кто не понаслышке знал о репрессиях, восприняли откровения XX съезда как торжество, хотя и запоздавшей, справедливости. Шестидесятники, как теперь их чаще называют, вы-

ходцы из рабочих, крестьянских семей, потомки погубленной интеллигенции, ничего не забыли из прошлого и помнили трагический путь своих отцов и дедов. Они терпеливо, не теряя надежды, ждали и готовили обновление в обществе. Это были люди, которых объединило критическое отношение к тому, что происходило в обществе, им была дорога судьба страны, и они готовы были взять на свои плечи ответственность за те серьезные перемены, веру в которые вызвал XX съезд КПСС. Особенность шестидесятников, может быть самая важная, состояла в том, что они были идеалистами – коммунистами, ибо как эстафету приняли от старшего поколения веру в досталинский социализм, утверждающий равенство, свободу, справедливость. За этот идеализм позднее они заплатят дорогую цену. Они видели, как эти принципы были растоптаны в ходе кровавых репрессий, и потому искренне верили в перемены и стали их проводниками, несмотря на все трудности и лишения. Устояли они и в 70-е годы – годы застоя – и тем самым стали живой нитью связи XX съезда КПСС и перестройки 1985 года.

Сейчас обычно только одной черной краской рисуют общественных деятелей времен застоя. Наблюдая за этим, всякий раз хочу спросить критиков-обличителей: «Скажите, как могли появиться идеи перестройки, где их истоки? Откуда пришли те люди, которые стали в центре политической жизни общества после 1985 года?» Этими людьми были те самые шестидесятники, которые не боялись в годы застоя за-

жечь огонь надежды во тьме апатии и пессимизма, рисковали и брали на себя смелость противостоять посредственности, лакейству, просвещали, сеяли, чтобы сохранить у людей веру в неизбежность грядущих перемен.

Л. Троцкий в своей книге «Моя жизнь» признает: «Национальное неравноправие послужило, вероятно, одним из главных подспудных толчков к недовольству существующим строем». Для моего поколения таким подспудным толчком стал XX съезд КПСС, он помог шестидесятникам до конца осознать прошлое и породил убеждение в негодности настоящего.

3

Долгие, длиною в 18 лет, годы учебы стали лишь прелюдией к взрослой жизни, где надо было отвечать не только за себя. В июле 1956 года, после того как была представлена в Ленинградский университет для защиты кандидатская диссертация, я вернулся в свой город Магнитогорск, где определилось мое призвание и которому обязан был заплатить по счетам, заплаченным за меня. И неожиданно получил оплеуху по своему честолюбию. Правда, время лечит от всех обид, и позднее, спустя годы, начинаешь понимать, что и неприятности полезны: честолюбие нельзя излишне холить, лелеять, ибо тогда оно станет слишком много занимать времени. Город, который, как мне казалось, должен был так высоко

оценить благородство моего возвращения, встретил меня без всякой сердечности. Горно-металлургический институт, куда я имел направление на кафедру общественных наук, отказался зачислить меня в штат. И только через два месяца под давлением горкома партии, защитившего молодого специалиста, с 1 сентября 1956 года я был принят ассистентом и начал читать курс лекций по истории КПСС первокурсникам.

Общественные науки в этом институте, как, впрочем, и во многих других, где главное было подчинено подготовке инженеров-металлургов, горняков, строителей, не пользовались большим авторитетом. Кафедра общественных наук, в то время объединяющая все предметы: историю КПСС, политэкономии и философию, стремилась свое место в институте отстоять, рассчитывая больше на власть и авторитет партии, чем на познавательный интерес студентов и научную эрудицию преподавателей.

С позиций недавнего студента я не рассчитывал ни на какие авторитеты и с самого начала пытался привлечь своих слушателей искренностью своих намерений, чтобы ввести их в тот круг знаний, которые накопил за годы учебы, убедить их откровенностью и правдой, открытой XX съездом КПСС. Seriously помогали семинарские занятия, где шел откровенный разговор, разговор о культе личности, героях и толпе, вождах и массах, на дворе был 1956 год.

Здесь я не могу обойтись без признания. Задним числом,

конечно, легче быть прозорливым, судить о прошлом, глядя вниз с вершины высотой в 35 лет, когда завершается 1992 год и наше критическое отношение к прошлому уже давно не откровение, а марксизм разоблачен и представлен вредным заблуждением. Каково же было тогда молодому преподавателю общественных наук в его первых шагах на ниве просвещения и науки! Размышляя теперь над тем, выдержал ли испытание временем этот педагог, прихожу к выводу, что нет ничего более вредного, чем огульное, безапелляционное или, пользуясь философской терминологией, зряшное отрицание той или иной мысли, того или иного учения. В марксизме, застывшем от многолетнего догматизма, многое устарело, и наши усилия представить его тогда единственно верным учением на все времена ничего, кроме иллюзий, не приносили обществу и людям. Это учение не могло быть единственным, ибо было естественным и органическим продолжением тех знаний, которыми располагало общество. Марксизм, сколько бы мы его теперь ни обличали, был неизбежным и значительным этапом в развитии общественной мысли. Убежден и в том, что диалектический метод марксизма был и остается одним из важнейших инструментов познания. Свое назначение как педагога-обществоведа я видел тогда в том, чтобы будить мысль, научить слушателей самостоятельно оценивать то, что происходит в жизни.

Уже тогда я знал истинную цену научной деятельности в области общественных наук. Опыт защиты диссертации, ко-

тору после Ленинградского университета пришлось через год снова защищать уже в ВАКе, многому научил. Я понимал, что есть лишь один автор, имеющий монопольное право толковать догматы марксизма-ленинизма, имя ему – ЦК КПСС. Отчетливо представлял я себе и причины бесплодия общественных наук. Они состояли в том, что не было в них самого главного: борьбы мнений, полемики, инакомыслия. Без этого они неизбежно превращались в кладбище, где не было места ничему живому.

Повседневные вузовские заботы, нелегкие первые месяцы освоения курса лекций, подготовка к семинарским занятиям, кафедральные обязанности – все это заставляло в первое время жить преимущественно интересами и заботами института, на другое просто не хватало сил. Однако и в стены института врывается повседневная жизнь большого рабочего города и требовала участия. Дыхание времени особенно отчетливо ощущалось в работе со студентами вечернего факультета, который в институте, учитывая запросы металлургического комбината, известного в стране треста «Магнитострой», других крупных предприятий, составлял не менее трети. Студенты-рабочие приносили в институт трудные проблемы жизни, не прикрытые дипломатией острые оценки, настроения, которые пробудил в людях XX съезд КПСС.

Среди проблем, которые по мере «оттепели» в общественном мнении звучали все острее, в Магнитогорске особое значение имела проблема экологии. Город был построен ценой

неимоверных жертв и испытаний народа, в короткие сроки и с самого начала стал заложником гигантского металлургического комбината, ибо строился прямо у его забора. Со времени пуска первой домны и первых мартеновских печей и особенно вредоносных обогатительных фабрик у горы Магнитной, обжигающих руду для плавок чугуна, сотни тонн вредных выбросов из труб комбината, и особенно ядовитого сернистого газа, были обрушены на жителей города. И по мере увеличения мощностей комбината, увеличения числа доменных печей до 10, а мартеновских до 35 в городе создавались невыносимые условия для проживания.

А между тем только после Великой Отечественной войны город начал строиться на правом берегу Урала, но и это всего лишь 3–4-километровое удаление от металлургического комбината не приносило большого облегчения людям, ибо никаких технических мер по ограничению выбросов длительное время не принималось. Пишу об этом, ибо сам в полной мере испытал воздействие этих вредоносных выбросов и в годы учебы в педагогическом институте (1948–1952), и во время жизни и работы в городе.

Экологические бесчинства еще чем-то можно было оправдать в 30-х годах, в годы войны: стремлением создать промышленный потенциал – основу независимости страны, выжить и устоять в годы войны. Однако и впоследствии эти экологические бедствия стали постоянными спутниками индустриального развития страны и принесли народу огром-

ные беды. Острота их не спадает и поныне, ибо их скорое решение оказывается во многих случаях просто невозможным. Как это ни горько признать, но по своей сути экологические бедствия – порождение нашего деформированного за годы советской власти образа жизни.

Я назвал только одну острую социальную проблему жизни города. Таких проблем было много. Люди долгое время терпеливо относились к своим невзгодам и лишениям и оттого, что понимали их природу, но больше оттого, что в условиях жесткого административного режима просто боялись выразить свое мнение и свой протест. Теперь же, когда на пути к свободомыслию была взорвана главная плотина – признание вредного влияния культа личности, люди не хотели молчать. Для них становилось очевидным, что в обществе, где провозглашен лозунг: «Все для человека, все во имя человека», не могут быть терпимы те условия, в которых они живут. В городе сохранялись сотни бараков-временок, воздвигнутых в 30-х годах, без элементарных бытовых удобств (знаю это по собственному опыту, ибо в первый год, не имея квартиры от института, жил в таком бараке у родителей жены): без канализации, центрального отопления, с общими казарменными коридорами и комнатами-клетушками. В них продолжала жить в 60-х годах примерно треть населения города. Не могли быть терпимы острая нехватка детских учреждений – яслей и садов, школьных зданий (многие школы работали в три смены), плохое медицинское обслуживание, ибо боль-

ницы тоже были расположены в тех же самых бараках у стен комбината. Город, в котором уже тогда проживало более 300 тысяч населения, не имел своей гостиницы, драматического театра, стадиона, два единственных вуза находились в аварийном состоянии.

Острые вопросы жизни города и страны становились предметом жарких дискуссий на семинарских занятиях по общественным наукам. На них нельзя было не отвечать, ибо они были болезненными и очевидными. Причем отвечать надо было без лукавства, откровенно, иначе преподаватель не мог рассчитывать на доверие студентов. Именно в это время для меня, как, наверное, и для многих других, кто профессионально занимался вопросами образования и воспитания, становилось очевидным наличие серьезного противоречия между реальной внутренней политикой, проводимой партией в стране, и тем, как мы ее стремились представить в глазах общественного мнения. Реальная жизнь, наполненная острыми проблемами и конфликтами, неизбежно обнажала противоречия между пропагандой и практической жизнью, между словом и делом. Осознание этих противоречий не могло не вызывать неудовлетворенности в педагогической работе, где преобладали старые, привычные подходы, где за общими декларативными положениями о преимуществах социализма, победоносных деяниях нашей партии на всех этапах ее истории мы скрывали правду жизни и правду истории. С другой стороны, осознание этого противоречия,

острота, с которой эти назревшие вопросы все чаще ставили люди от доменных и мартеновских печей, достойные лучшей жизни, созвучные тому, что было заявлено на всю страну на XX съезде КПСС, укрепляли веру в неизбежность перемен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.